

УДК 811.161.1

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF GENDER
REPRESENTATIONS IN EDUCATIONAL TEXTS
(AS EXEMPLIFIED IN SCHOOL TEXTBOOKS
IN RUSSIA AND GERMANY)**

Олеся Юрьевна Черных
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Olesya Yuryevna Chernykh
Moscow City University, Moscow, Russia

Аннотация

В статье анализируется создание гендерных репрезентаций в учебных текстах в России и Германии. В российском педагогическом пространстве, несмотря на попытки авторов минимизировать андроцентричность за счет нейтрализации гендера при помощи различных семиотических средств, мужское пространство учебника представлено обширнее и значительнее женского (мужчины выступают в роли субъекта чаще, чем женщины, сферы их деятельности и занятий представлены более широко). В немецком педагогическом пространстве в учебных текстах появилась незначительное количество примеров эмансипации: мужчины пекут пироги и страдают от любви, а женщины покупают дрели. Однако при детальном изучении учебных текстов было выявлено, что семантические поля «профессии», «спорт» и «принадлежность» воспроизводят традиционные гендерные стереотипы.

Ключевые слова: гендер, гендерные репрезентации, учебные материалы, конструирование гендера, гендерные стереотипы.

Abstract

The article analyzes the creation of gender representations in educational texts in Russia and Germany. As a result of the comparative

analysis it was possible to come to the following conclusions: In the Russian pedagogical space, despite the authors' attempts to minimize androcentricity by neutralizing gender through various semiotic means, the male space of the textbook is more extensive and more significant than the female one (men act as subjects more often than women, their fields of activity and occupation are more widely represented). In the German pedagogical space, just a few examples of emancipation have appeared in educational texts: men bake pies and suffer from love, and women buy drills. However, a detailed study of the educational texts revealed that the semantic fields of "profession", "sport" and "belonging" reproduce traditional gender stereotypes.

Key words: gender, gender representations, educational materials, gender construction, gender stereotypes.

Антропоцентрический подход, который является основным в современном языкознании, подразумевает учет всех параметров человеческой личности, отражающихся в языке, в том числе и гендера [Кубрякова: 15; Радченко: 28]. Язык признается главным инструментом для создания гендерной идентичности человека: «в обществе, где пол / гендер является весьма значимой категорией, неудивительно, что язык отражает и укрепляет эту категорию» [Коатс: 220].

Гендерологическое направление в лингвистике рассматривает «с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой — особенности речевого поведения мужчин и женщин» [Кирилина: 39]. Мужественность и женственность признаются культурными концептами, которые существуют в любом обществе, однако имеют специфические отличия. Таким образом, гендер признается социальным феноменом, который конструируется обществом и индивидом в соответствии с нормами данной культуры на данном историческом этапе. Гендер также интерпретируется как конструкт, создаваемый обществом в процессе социализации, в семье, в школе, посредством разделения труда, при помощи средств массовой информации. При этом гендер конструируется и самим индивидом — он принимает общественные нормы и стремится им соответствовать. Язык же признается главным инструментом для создания гендерной идентичности человека.

Общепризнано сегодня раннее начало социального конструирования гендерной идентичности, что заставляет обратить внимание на педагогический дискурс. Так, педагогизация пола ребенка (по Фуко, понятие «пола» строится на основе дискурсов, связанных с различными формами социальной деятельности и общественными институтами) — одна из четырех дискурсивных практик (истеризация и медиализация женского организма; педагогизация пола ребенка; социализация производящего потомство поведения, то есть репродуктивной функции; психиатризация извращенного удовольствия), при помощи которых общество заставляет индивида формировать гендерную идентичность [Фуко: 205–207]. Следовательно, педагогический дискурс — важный источник данных о формировании гендерной идентичности в процессе социализации. Мы разделяем точку зрения Д. Свон, которая отмечает «высокую значимость конструирования гендера в педагогическом дискурсе; особое место в этом процессе отводится языку» [Swann: 624].

Исследование способов создания гендерных репрезентаций в педагогическом дискурсе проводилось нами на материале учебных текстов для начальной школы.

Было выявлено семиотическое (вербальное и видеовербальное) конструирование гендера, которое выражается следующим образом:

1. В текстах заданий количественно преобладают подлежащие, выраженные именем существительным мужского рода; семантика названных лексем более разнообразна.
2. При описании действий лиц мужского пола преобладают глаголы, обозначающие физические процессы намеренного действия, со значением «двигательная активность». Лицо мужского пола представлено человеком активным, мобильным, способным на девиантные поступки. В большинстве контекстов использован совершенный вид глаголов, что способствует конструированию образа мужчины как человека, добивающегося своей цели.
3. С подлежащими, выраженными именами существительными женского рода, не были использованы глагольные предикаты со значением «девиантное, агрессивное поведение». При этом выявлены ГП, которые описывают исключительно действия лиц женского пола. Это ГП со значением «типичные занятия» — ждать, накрывать на стол и т.д.

4. Описание деятельности лиц мужского и женского пола различается по оппозиции «грубое поведение» / «вежливое поведение».
5. В поликодовых текстах конструирование маскулинности и фемининности осуществляется как средствами, выявленными при анализе монокодовых заданий (т. е. языковыми средствами), так и при помощи семиотического кода иллюстрации (количественное доминирование лиц мужского пола и более широкое отображение деятельности, традиционно ассоциируемой с мужчинами, изображение типичных полоролевых образцов).
6. Личностные качества, стереотипно ассоциируемые с лицом мужского пола, представлены небольшим количеством примеров. Стереотип допустимости асоциального поведения, который полностью отсутствует при конструировании образа женщины, актуализирован широким набором примеров. Профессиональная деятельность лиц мужского пола представлена более широко, что подтверждает традиционное представление о полоролевом разделении труда и специфике профессиональной деятельности. Роль в семейных отношениях воспроизводится минимальным количеством примеров. Типичные увлечения актуализированы в значительном количестве контекстов.
7. Выявлены способы конструирования гендерных асимметрий при помощи вербального кода:
 - неспецифицированное использование имен существительных мужского рода при обращении ко всем учащимся;
 - неспецифицированное употребление глагола в мужском роде в прошедшем времени при обращении ко всем учащимся;
 - количественное доминирование антропонимов мужского рода в предложениях, где подлежащее выражено тремя однородными членами предложения;
 - количественное доминирование мужчин — авторов учебных текстов (писателей).
8. Имеют место скрытые способы конструирования гендера за счет взаимодействия невербального и вербального в поликодовых текстах:
 - использование в вербальной части гендерно-нейтральных единиц, а в невербальной части — актуализация гендерных стереотипов;

- в вербальной части полностью отсутствуют лексемы с ГЗИ, а на иллюстрации изображено лицо мужского или женского пола;
 - в вербальной и невербальной части задания по математике симметрично представлены лица мужского и женского пола, при решении задачи обнаруживается, что девочка дает неправильный ответ, нерациональный способ решения и т. д.
9. Обнаружено явление нейтрализации, которое осуществляется как при помощи вербального, так и невербального кода.

Таким образом, несмотря на попытки авторов минимизировать андроцентричность за счет нейтрализации гендера при помощи различных семиотических средств, мужское пространство учебника представлено обширнее и значительнее женского (мужчины выступают в роли субъекта чаще, чем женщины, сферы их деятельности и занятий представлены более широко). Иными словами, на глубинном уровне нейтрализация не происходит.

Что касается современной Германии, все учебные пособия проходят гендерную экспертизу, прежде чем быть одобренными к использованию. Основным положением является то, что мужчины и женщины должны быть представлены равными (equal). Учебные тексты не должны воспроизводить стереотипное представление о социальной роли мужчин и женщин, а также их традиционные роли в семье [Ott: 56].

Однако немецкий лингвист Кристина Отт выявила следующее:

1. В количественном отношении маскулинные и фемининные репрезентации представлены одинаково.
2. Несмотря на то что в 2013 г. был принят так называемый «прогрессивный образовательный план Баден-Вуртенберга», суть которого состоит в том, что в школьных учебниках должны отражаться все сексуальное разнообразие современного мира и «альтернативные гендеры», в учебных пособиях гендерные репрезентации представлены в гетерогенных оппозициях (не представлены семьи, состоящие из двух матерей или отцов, а также отсутствуют разведенные родители).
3. В текстах присутствует андрогинный персонаж Тина и определенное количество персонажей с гендерно-нейтральными именами Алекс, Крис, Саша.

4. Лексемы, обозначающие профессиональную деятельность лиц мужского пола использованы в два раза чаще, чем лексемы, обозначающие профессиональную деятельность лиц женского пола. Мужчины представлены фермерами, бакалейщиками, продавцами мебели, лыжниками и менеджерами. Женщины показаны учителями и продавщицами. Все технические профессии и профессии, связанные с физическим трудом, связаны с лицами мужского пола (столяр, водопроводчик, кровельщик и т.д.) С женским полом связаны профессии, которые не требуют физической силы (кондитер, ювелир). Мужчины доминируют в таких сферах деятельности, как руководство организацией (директор, менеджер, глава департамента и т.д.). Таким образом, использование лексем, обозначающих профессиональную деятельность, носит стереотипный характер. Мужчины представлены как основные добытчики, имеющие шанс продвинуться по карьерной лестнице. Такие понятия, как частичная занятость и сокращение рабочей нагрузки, упоминаются исключительно с лицами женского пола. Таким образом, учебные тексты предлагают скудный выбор профессиональных ролевых моделей для школьников.
5. Семейные отношения представлены равным использованием лексем мужского и женского рода. Мужчины и женщины показаны выполняющими одинаковые обязанности по дому.
6. Спорт. Удивительно, что в текстах используются номинации женщин-футболистов, хотя стереотипно данный вид спорта считается маскулинным. Однако мужчины чаще упоминаются в связи с профессиональным спортом (баскетбол, футбол, прыжки с трамплина). И это противоречит реальной ситуации: женская сборная Германии по футболу выиграла все европейские кубки и два чемпионата мира с 1990 г. Скорее всего, стереотипное воспроизведение гендерных репрезентаций в спорте связано с большей популярностью и престижностью мужского футбола. Лексемы, обозначающие спортсменов мужчин, используются в два раза чаще, чем фемининные лексемы. Мужчины показаны забивающими голы. Женщины доминируют в соревнованиях по бегу.
7. Покупки. Разрушение стереотипов: женщины покупают мотоциклы и дрели, а мужчины — стиральные машины и посудомойки.

8. Принадлежность. При анализе притяжательных существительных и местоимений обнаружилось, что если встречаются номинации «земля» или «здание», то владельцем выступает лицо мужского рода. Авторы учебника воспроизводят здесь гендерный стереотип, несмотря на 30-летнюю феминистскую критику языка.
9. Анализ семантики глагольных предикатов показывает незначительный дисбаланс в использовании лексем со значением «двигательная активность» в пользу имен существительных мужского рода.

Таким образом, анализ, проведенный немецким лингвистом Кристиной Отт, показывает, что в учебных текстах появилось незначительное количество примеров эмансипации: мужчины пекут пироги и страдают от любви, а женщины покупают дрели. Однако при детальном изучении учебных текстов было выявлено, что семантические поля «профессии», «спорт» и «принадлежность» воспроизводят традиционные гендерные стереотипы.

Следовательно, можно сделать вывод, что стереотипное конструирование гендера присутствует как в российских учебных текстах, так и в немецких. Однако в количественном отношении лидирует российский педагогический дискурс.

Литература

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. 189 с.

Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык. М.: Яз. славян. культуры, 2005. С. 33–231.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2006 (М.: ЛЕНАНД). 312 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Ott C. Innocent Maths? Gender representations in German Maths Books // Gender Representation in Learning Materials. International Perspectives / Eds. Abolaji S. Mustapha, Sara Mills. Routledge, 2016. P. 52–64.

Swann J. Schooled Language: Language and Gender in Educational Settings // Handbook of Language and Gender / Eds. Janet

Holmes, Miriam Meyerhoff. Blackwell Publishing Ltd, 2003. P. 624–644.

References

Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 1999. 189 s.

Koats Dzh. Zhenshchiny, muzhchiny i yazyk. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2005. S. 33–231.

Kubryakova E. S. Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka // Yazyk i nauka konca XX veka: Sb. statej / Pod red. Yu. S. Stepanova. M.: RGGU, 1995. S. 144–238.

Radchenko O. A. Yazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya koncepciya neogumbol'dtiansstva. 3-e izd., ster. M.: URSS, 2006 (M.: LENAND). 312 s.

Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / Per. s fr. M.: Kastal', 1996. 448 s.

Ott C. Innocent Maths? Gender representations in German Maths Books // Gender Representation in Learning Materials. International Perspectives / Eds. Abolaji S. Mustapha, Sara Mills. Routledge, 2016. P. 52–64.

Swann J. Schooled Language: Language and Gender in Educational Settings // Handbook of Language and Gender / Eds. Janet Holmes, Miriam Meyerhoff. Blackwell Publishing Ltd, 2003. P. 624–644.

Сведения об авторе: Олеся Юрьевна Черных; кандидат филологических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; доцент кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук; Chernykh@mail.ru; сфера научных интересов: гендерная лингвистика, семиотика, социолингвистика.

The author's profile: Olesya Yuryevna Chernykh; Candidate of Philology; Associate Professor; Moscow City University; Associate Professor of the Foreign Philology Department at the Institute of Humanities, Chernykh@mail.ru; research interests: gender linguistics, semiotics, sociolinguistics.